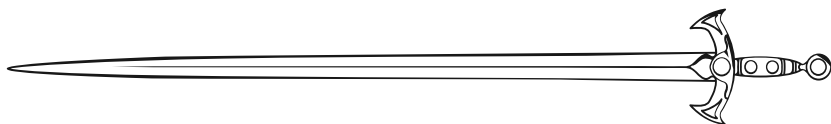
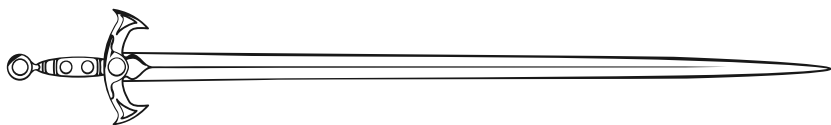

 Альберт
Габоев

Сказки старого воина

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Г12

Гаглов Ев.

Г12 Сказки старого воина / Ев. Гаглов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 298 с.

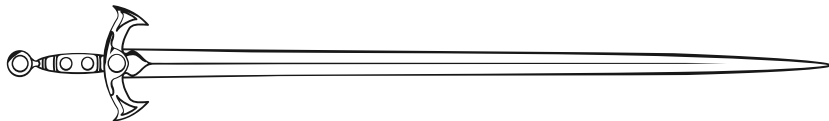
ISBN 978-5-521-90486-0

Очень интересно, какие они, эти старые воины. Люди повидавшие, побитые жизнью. Вот и подумалось, почему бы не расспросить одного из них о небывалом? О том, каким может быть ангел-хранитель. О причинах дефицита гречневой каши в СССР. О приключениях лешего в горах Кавказа. О том, как жить тем, кто умеет летать. О том, что принесем мы звездам — и о том, как там у них, в этих звездах. О гордости родителей за своих детей и о любопытных военных достижениях отсталой планеты. Много, много о чем можно расспросить старого воина. Я взял и расспросил. Для вас.

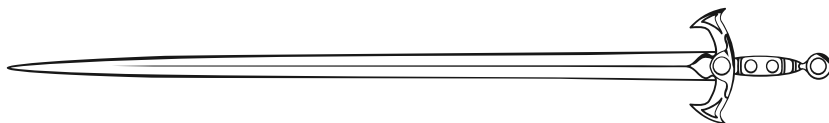
BIC FA
BISAC FIC000000

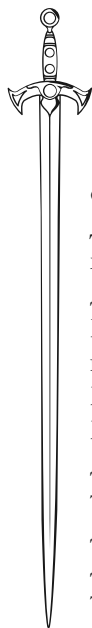
ISBN 978-5-521-90486-0

© Эльберд Гаглов, текст, 2022
© Елена Чернова, дизайн обложки, 2022
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

**Вспомнить
о неслучившемся**

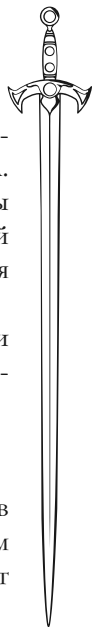

Ангел-хранитель

И зачем нужна ему была эта свадьба? И зачем он на нее поперся? И денег давали чуть совсем. Не по чину. Нет, пошел. Дурень. Дурень потому как, потому и пошел. Ведь вырвал, казалось, занозу из сердца, вырвал. Ан нет. Осталась заноза-то. Болючая. Как увидел косу черную, ведьмачую. Как увидел глаза зеленые, бесовские. Как увидел, как летает над коленями точеными молочное кружево. Как увидел гибкий стан над пеной юбок. Так голову и потерял. И слово себе самому даденное позабыл. Не можно такое плясуну. И пошло, и заиграло, бедовое. Давно так Никитка не плясал. Захотелся от восторга народ на его прыжки и пролеты, радуясь. Как же, такого знатного плясуна на свадьбу подманили, будет теперь молодоженам счастье. Будет уж. А тогда плясал, от свиста своего захотелся, лишь бы зеленоглазая еще разок глянула. И глянула, и приветила, да так, что от поцелуя аж виски заломило. Как и не было этого года разлуки. А был он. Был. И у губ жарких и у глаз зеленых, и у коленок точеных новый обожатель появился. И ничего, что молодой, да нескладный. А плечи широченные, а кисти мосластые, а ноги длинные. А глазища васильковые. Да и не робкий, против знатного плясуна в круг вышел. Сам бы со временем таким стал бы. Не станет.

То ли бывшее в голову взошло. То ли пива лишнего выпил Никитка, кто теперь скажет. Да только как увидел нежность душевную в зеленом том взоре навстречу васильковому брошенному. Дурь да грязь в душе выиграла. Дуром он на мальчонку и полез. За что и получил, да обидно так. Нос знатному плясуну своротил мальчишка. Не дурь бы та в голове, на пользу бы все себе развернул. И плясуна нового бы по плечу похлопал, и пива бы с ним выпил, еще бы и друзьями расстались. Нет. Швырнула дурь вперед. Обошел неумелую защиту костлявый кулак плясуна, да вовремя в сердце

ткнулось что-то. Придержал руку, а то разлетелась бы голова брызгами кровавыми. А так несильно, в общем-то, в висок и ткнул. Для плясуна несильно. Был бы супротивник поопытней, увел бы он голову, хотя от нокаута б не ушел. Поболела бы день-другой башка-то. А этот столбом стоял, не шелохнулся. Косточка тонкая и хрустнула. Да громко так. Опямятует ли?

До сих пор в глазах стоял полный непонимания взгляд матери мальчонки покалеченного. И кем? Плясуном. Защитником. От нечисти Хранителем.

И отвращение в глазах зеленых.

И голос старосты в ушах.

— Мы на тебя, Никитка, зла не держим. Гаркушка сам супротив тебя в круг встал. Но и понимания к тебе проявить не можем. Зачем же так мальчонку-то? Так что, ныне кровник ты нам. Так что, нет тебе в земле нашей ни еды, ни воды.

И свой хрип.

— Виру возьмите.

— А кому ты виру давать будешь? Матери? Так один он у неё. Был. Кормилец. Марьянке? Так та с тобой сама скорее в круг встанет. А обществу? Ты и так всем пользу несешь. Нес. Ты лучше под Кошачью голову сходи. Опять там вроде не ладно. Вернешься, считай отдал виру, не вернешься, знать ушел от тебя за кривду твою ангел-хранитель.

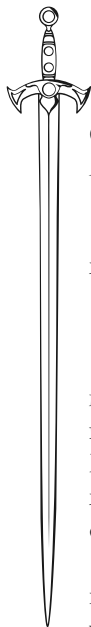
— Не вернулся еще никто из-под Кошачьей головы.

— Или страшно стало? Раньше надо было бояться, плясун, когда Марьянкиного двоюродного словно нечисть насмерть бил.

Двоюродного. Родича. За честь семьи мальчонка встал. Не за взгляд любимой. Дурак ты, плясун Никитка.

Сахсат широкой горстью смахнул пот со лба, поправил заплечный мешок, хлопнул по укутанному в кожу лезвию верной секиры и подступил к скале. До места указанной в старой карте осталось недалеко. Гораздо меньше дневного перехода. До ночи он будет там. Поспит. Отдохнет. Дождется нужного времени и найдет того, кто, силу и свирепость его преодолев, изгонит страшную болезнь его.

Сахсат ни о чем не жалел. Воины его семьи никогда ни о чем не жалуют. Всё в ладони Великого.

Решит – и будет у Сахсата новый дворец на берегу Океана.

Решит – и опять поведет он в бой броненосную пехоту Императора.

Решит – и вновь Мудрейшие склонят слух к его советам.

Но это если решит.

Ни о чем не жалел Неистовый. Тревожила сердце его лишь мысль, как вырастет дочка от белокожей наложницы, столь же ласковая, как её мать, что так отличалась от свирепых женщин Островов. Но дитя в хороших руках. Мать Императора, увидев любовь отважного воина к полукровке, взяла её под свою руку. И то пропадет ведь сирота. Сирота. Ведь вычеркнут Сахсат из скрижалей живущих.

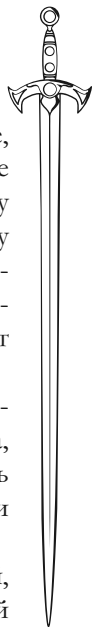
Раз в пять лет присылает народ Островов величайших воинов ко двору Императора, дабы насладились они взор его своим воинским умением. Велика была слава Сахсата, четвертым сидел по правую руку Повелителя. И как всякий значимый, имел он недоброжелателей. Сейчас уже не узнать, кто заронил, в голову Императора мысль, что могуч Сахсат, как десять величайших. И пора императорскому дантисту нанести следующий узор на его клыки. Хороший случай проверить боевое умение полководца.

Только не для потешных боев оказалось то умение. Была одна беда у воителя, которой он страшился. После раны в голову сниходила на него в битве Священная ярость Богов. Но страшным то было, что гнев его мог обратиться как на врага, так и на соратника. Не ведал он в бою между ними разницы.

И пали шестеро соплеменников, не успевшие дать племени, под неистойой секирой Сахсата. И отвратил взор от него Император. Лишь к вечеру пришел от него посланец и принес яд. Дорогой. Очень дорогой. И взярылся Сахсат. И пошел ко дворцу. Ибо лишь первый среди равных Император Островов. Но не пожелал видеть величайший воителя своего. И страшен был путь Неистового. Многие отведали его секиры. Не воины, Жрицы Превеликой Матери смогли остановить впавшего в неистовство воина.

И было сказано ему слово Дома. Нет больше Сахсата Неистового в числе Хранителей. Нет больше Сахсата Неистового среди

жителей Островов. Пока не избудет страшное неистовство свое, что не только врагам. Своим вредит. Волен жить он и биться, где пожелает. Но нет чести великому в судьбе наемника. Нет и Дому чести, когда один из величайших его воителей клинок свой иному повелителю отдаст. Простить Сахсата может лишь подвиг. Но подвиг лишь вне этой тверди совершенный. И да станет подвигом поиск воина более сильномогучего чем рекомый. А до той поры нет ему места на Островах.

— Ты похож на своего отца, — ладонь Пресвятой Матери скользит по длинному извилистому шраму, что, начавшись почти у чуба, заканчивается на щеке. — И он стал неистов после раны. И лишь удар Гердана Пропойцы после, которого он пролежал без памяти два дня, излечил его. Помни это.

Пять дней нес Сахсата быстрый корабль-щука. И на шестой, сопровождаемый молчанием экипажа, сошел воитель на берег недоброй славы острова Даллаг. Два дня шел по проклятой земле воитель. Повидал много странного. И вот путь его к завершению близок. Как, впрочем, и жизнь. Ибо какой сильномогучий бой проигравшему жизнь оставит?

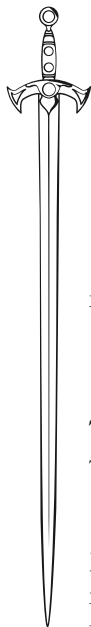
Юрке было стыдно, как никогда в жизни. До слез. До соплей. Лучше бы побил кто, ей-Богу. Да кто ж его такого здорового побьет. Да и чемпион вроде.

А в голову упрямо лезло, как сидели с Ленкой, мечтали, как заживут, когда денег он получит, как игрушек новых Танюшке купят. Сапожки. Шубку. Как Ленка в двух местах работала, когда его со службу выперли. Как продукты в дом тащила, чтобы он нормально тренироваться мог. Как сам по ночам подрабатывал, чтобы девчонок подарками порадовать. Как маленькая дочурка, в могучих руках утнездившись, папку своего успокаивала, когда он ей куколку купить не мог. Как подарки, на Новый год полученные на всех делила. А он до скрипа зубовного жаждал успеха, славы. Ну и денег, естественно.

Добился. И деньги у него есть. И слава.

Несколько дней пил с ребятами. Очередную победу отмечали. Да не в спорте уже. В бизнесе.

– Кто звонит-то?

– Ленка.

– Ревнует?

– Не. Танюшка приболела.

– Так пусть врача вызовет. Капусты теперь валом. Пьем дальше, пацаны.

Приперся домой, пьяная в хлам скотина.

– Ты на кого так смотришь?

Ни слова не сказала. Развернулась. Ушла. Взбесился чемпион. Танком в комнату вломился. И наткнулся. На два взгляда. Не сердитых. Удивленных. Обиженных.

Папка. Муж. Защитник. Хранитель.

Стальной плетью хлестнули. По лицу. По груди. По сердцу. По душе. И выпшвырнули из комнаты. Из дома. И лютый стыд погнался дальше и дальше. Только в парке и остановился. Под елями вековыми, куда частенько после тренировки приходил. Они всегда успокаивали. Может и сейчас помогут. Башка горит. Волком выть хочется. Но даже луны и той нет. Фонарь лишь горит.

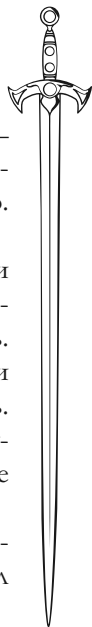
А лес под Кошачьей Головой хорош на диво. И не подумаешь, что, бывало, отсюда столь причудная и премерзкая нечисть вываливается, что и плясуны, и святые отцы за голову хватаются. Но сегодня спокойно все вроде. Однако не зря староста говорил. Он селянин суровый. Без толку базлать не будет.

Посох боевой с гулом над головой крутанулся, и отозвался лес. Обрадовался. Каждая травинка, листочек, веточка плясуну улыбнулись. Нет нежити. А то бы сказали, хоть и бессловесные, пожаловались. А вот ива у ручья грустит. Или болеет. Или старая. Или тревожит что. Тревожит. Выходила, бывало, нежить из-под кроны её. Вот и сейчас так же маятно. Но не нежить вроде. Или чужанин какой навеситить надумал? С добром ли?

На то плясуны и поставлены. Покой пределов блюсти.

Посох мягко опустился на травушку, и та обняла родича. Как же бедненький, не в земле растёт, с плясуном веселым путешествует. Вот и надо приبلудного приветить, соками домашними, коренными напоить.

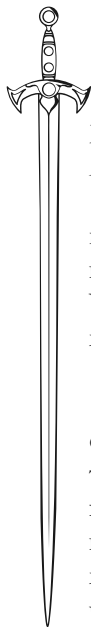
Никитка достал из-за пазухи кинжал, на пояс повесил, — и по лесу как порыв ветра прошел. Не любит он железо. Но пригляделся и успокоился. Не на него, на нежить железо то наговорено. А когда из-за отворота сапога достал свирель, то лес успокоился.

Никитка заиграл. Малые голубоватые искорки побежали по лесу. Волнами понеслись, в водовороты свиваясь, Каждое дерево, травинку каждую обегая. Только не у ивы старой собрались. Вокруг пяти могучих елей закружились, что укрывали в своей тени густо усыпанную хвоей опушку. Здесь грань мира истончилась. И там за гранью есть кто-то. С добром ли? Со злом? На то плясуны и поставлены. Знать и хранить. И угрозу неведомую лучше вне мира своего проводить.

Никитка вернулся за посохом, аккуратно выпутал его из объятий травинки, которые не хотели отпускать родича. Подошел к елям. Оглянувшись. И шагнул. Туда. За оком. Виру платить.

Сахсат сердился. Уже и поспал, и поел и отдохнул после тяжелого перехода. И время нужного дождался. И который час играет на свирели. Врата же открываться не желают. Нет, сердцу воина не чуждо прекрасное и вид могучих елей греет сердце, и воющий в их высоких кронах северный ветер украшает нежную песнь свирели, но не на симпозионе Прекрасного он сейчас пребывает, желая сорвать восторги благодарных слушателей. Но, почувствовав, что голову опять начал заполнять кранный туман гнева, Сахсат остановился.

Отгял от губ нежную флейту. И принял Позу Размышлений. Поднял голову к высокому небу, с которого сквозь несомые могучим ветром облака густо светили звезды. И почувствовал вдруг малость свою, перед великой мощью Севера и подумалось ему, что неплохо сложить песню об этой ночи. Ночи надежды и разочарования. Свирель сама вкатилась в руку, и Песнь полилась. И столь нежна, и пронзительна была внезапная мелодия, что слезы застлали глаза сурового воина, и вдруг хлынули, как прорвавшая плотину река. Мелодия лилась долго. И прервалась лишь тогда, когда подобно пустынному песку пересохли губы. Потрясенный открыл глаза Сахсат, и понял, что услышал Великий его. Он стоял среди тех же елей.

Но не свет тысячи звезд освещал его, нет. Уютная опушка была залита мерзостным светом высокого уродливого светильника.

И перед ним стоял воин. И хотя на редкость уродлив был лицом, подобно Южных земель жителям, но длинная чуприна указывала на род его занятий. Не человек... Белые волосы как у духа. У безверных южан и то волосы черные. Но воин. И даже не чуприна, лицо выдавало это.

Елки, и правда, лечили. Открыл это место для себя Юрка давно, еще мальчишкой. Их шумная компания носилась по парку по каким-то своим мальчишеским делам. Кто знает, что их занесло в этот глухой уголок. Занесло. Помнится закусили, чем Бог послал, а потом ватага унеслась. А вот Юрка остался. Почему? Покойно было у подножья этих великанов. Причем настолько, что неутомный мальчишка заснул. Днем, что для него было совсем нехарактерно. Проснулся ночью. Но странно, не испугался. Страшно не было. И дома никто не заругал. После этого он часто приходил сюда. Один. Просто посидеть. Потом тренировался. И самые трудные связки получались, как хорошо отработанные. И не забывались. Просто думал. И неожиданно получал ответы на самые сложные вопросы. И не где-то. В себе. Помогали великаны. Голову, что ли, чистили? Вот и сейчас ноги сами принесли его сюда. Немного прошло времени, и стало легче. Казалось, со свистом унеслась из буйной башки пьяная хмарь, и все стало ясно.

Кто важнее и дороже?

Ты сам, великий, могучий и противный, — или два человека, что тебе доверились?

Надо было вставать, идти и извиняться. Не говорить покаянных слов, не дарить дорогих подарков, нет. Надо было просто пойти и отдать себя им, как они отдавали себя тебе. Навсегда. Жизнью своей извиниться, чтобы смылось плохое, как пыль, рассеялось как туман утренний. Но задумался Юрка. Заслушался, как ветер в кронах елей поет. Или не ветер. На миг показалось — на свирели кто-то играет. Красиво так. Да нет показалось. Но где-то далеко за пределом слуха. И показалось, могучие ели вдруг засветились множеством огоньков.